

**ЗАБАВНАЯ
МЕЛОДРАМА
ДЛЯ ДВОИХ**

АЛЕКСАНДР БАРР

НОВЕНЬКАЯ

СОБЛАЗНИТЬ
ЗА 183 ДНЯ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б25

Барр, Александр.

Б25 Новенькая. Соблазнить за 183 дня / Александр Барр. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Забавная история для двоих).

ISBN 978-5-04-169625-2

Конечно, это была совершенно бредовая идея. Два друга забили пари, что один из них не позднее чем через 183 дня покорит сердце новенькой сотрудницы их офиса. Задачу усложняет то, что новенькая... как бы выразиться помягче... не очень интересуется мужчинами, а соблазнитель – обычный маменькин сынок, робкий и застенчивый айтишник.

И это не всё. В случае проигрыша молодой человек обязан опубликовать свой собственный дневник, «историю своего провала и позора», в котором во всех красках будет расписан каждый шаг на пути к сердцу девушки, каждая тайная мысль, каждое заветное и даже постыдное желание...

Но пари уже заключено. И время пошло. И ОН делает первый шаг навстречу Ей...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барр А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-169625-2

Вероятно, мне не стоило писать эти строки. И, скорее всего, к моменту, когда я окончательно передумаю делиться своей историей с людьми, она окажется в печати.

Время вышло, и книга выйdet.

Ее издадут.

Не потому, что история хороша или оригинальна. Не потому, что я гениальный писатель или талантливый выдумщик. Я вообще не писатель. Не потому, что повествование изобилует яркими образами и небывалыми литературными приемами, является новым словом в быстроменяющемся течении моды беллетристики или искусства или сможет чему-то научить или хотя бы развлечь читателя.

Нет.

В ней ничего этого нет.

Это даже не прокисшие мемуары никому не нужного безызвестного немолодого идиота.

— Вынимай...

Ее издадут. Назад пути нет.

Опоздал всего на день. Подпись сдуру я уже вклеил. Выпустят в печать просто назло мне. Как все и происходит в этом дружелюбном и толерантно-беззубом мире. Назло мне.

— Эй, оглох? Ты меня слышишь? Хватит сопеть, и достань из меня свой чертов член!

Кажется, она начинает нервничать. Сердится.

Это ей не свойственно, отчего весь ее гнев звучит неуклюже. Но это мне даже нравится. Переживает, бедненькая. Думает, наверное, что забеременеет, что станет первой залетевшей из радикальных лесбиянок, или как там они себя называют. Думает, наивная, что я настолько глуп, что решился бы залезть на нее без резинки.

А еще это ее смешное выражение — «свой чертов член». Чертов, говорит, и это должно меня остудить. Кого вообще может остановить подобная нелепая фраза?

— Слышишь?

Она протестует, но не очень убедительно. Ускоряется, ритмично двигает бедрами, стонет от удовольствия.

Я молчу.

Пью «с горла» и продолжаю делать то, что, как совсем недавно выяснилось, у меня неплохо получается.

— Не молчи...

Оборачивается, хочет посмотреть на меня, но я усиливаю толчки, и она закатывает глаза. Взвизгивает, упирается локтями, и ее прическа вновь рассыпается на подушке.

Мне неинтересно.

Весь азарт, вся волнительная жажда закончились вместе с ее заветной робко-румяной неприступностью. Выветрились после первых десяти секунд в постели.

Теперь все, что меня занимает, глядя на обнаженную женщину, покусывающую края наволочки — время вышло, Филипп сволочь, и теперь со дня на день позвонит редактор и скажет: «Поздравляю, книгу выпустили». Для меня это означает лишь стыд, позор и наглую нефотогеничную рожу автора на форзаце. Какого черта я не взял себе псевдоним? Табурет Подпетлев, например. Может, еще не поздно? Хотя тогда потеряется весь смысл исповеди. И, что куда страшнее, я проиграю спор, а этого я никак не могу допустить.

— Да, да...

Она продолжает стонать. Одеяло сползает на пол, бортик кровати барабанит о стену, колени пружинят, мягкий ортопедический батут подтачивает, помогает, делает за меня полдела.

— Д-д-ддааа! — кричит она сквозь сомкнутые зубы, сбиваясь на задаваемый мной ритм.

Кажется, еще мгновенье, и уже бывшая лесбиянка признается мне в безграничной любви. Но мне все так же неинтересно.

Нет, стоп, не в том смысле неинтересно...

Тут важно уточнить.

Она — красивая женщина, пусть завтра я и не вспомню ее имени, несмотря на то, скольких трудов мне стоило узнать его. Шикарная дама, у которой все на месте. Особенно это «все на месте» проявилось, когда удалось стащить с нее дурацкий оверсайз-свитер, брюки и военные ботинки на шнурках.

Неинтересно мне по другой причине.

Объясню.

Дело в том, что помимо спора и, как говорит Филипп, желания самоутвердиться, меня привлекла, вернее, меня прошлого привлекла... нынешний я вряд ли бы заинтересовался... Не суть. Привлекла ее надменная недостижимость, как мне тогда казалось.

— Быстрее!

Возможно, мне хотелось разрушить ее убеждения и доказать кому-то, не знаю кому, возможно ей, что в отношениях между женщиной и мужчиной нет ничего ненормального. Какие тут могут быть предрассудки? Называй это миссией, или предназначением, или моим крестом, если угодно. А, может, все куда проще — я подыскиваю

убедительное объяснение собственной тупости. Или ишу применение своим новым так называемым талантам.

— Да! Да!

И, кажется, у меня это получается. По крайней мере, звучим мы так, что соседи наверняка завидуют.

— Еще, еще...

Ее тело напрягается. Ногти царапают простыню. Она хрипит, сильно сжимает бедра. Делаю два завершающих толчка. Она взвизгивает, подрагивает, валится на бок, расплзается по кровати, томно выдыхает и расслабляется.

Финишируем мы синхронно.

Мне так нравится. Одновременно.

Кто-то возразит — по очереди ярче впечатления и все такое. Что ж, оставляю подобную «яркость» любителям. Ну не фанат я тереться об уставшую женщину, расслабленную и мечтающую, чтобы ее хоть ненадолго оставили в покое. Еще больше не фанат краснеть, разводить руками и говорить что-то вроде «Погоди, дай мне минутку, сейчас будет новый заход». Нет уж, спасибо. Воспользуюсь сверхспособностью одновременного оргазма. Это трудный навык, но вполне приобретаемый. Каждый, при желании и достаточном упорстве, может научиться. Вот, кстати, почему я больше не верю в талант. Практика,

практика и еще раз практика. В сексе и в любом другом деле только практика позволяет стать экспертом. А талант... Пусть ленивые рефлексируют на это слово, пока я день за днем набираюсь опыта.

Телефон звонит.

А вот и он — долгожданный пугающий звонок.

Филипп — предатель. Это уже редактор звонит наверняка.

Телефон тарабанит, жужжит, светится незнакомым номером, а я думаю, как же докатился до такой жизни. С цепи сорвался — так обычно говорят? Как я всего за полгода из скромного офисного клерка стал «этим»? Пьющим, курящим, забывшим о компьютерах и гаджетах, плывущим по течению говном.

— Алло.

— Слушай внимательно, тварь!

Мужской голос из динамика не сумел покориť меня своей дружелюбностью, и я молча отклоняю вызов. Просто жму пальцем «прервать разговор». Разбираться и выслушивать недосуг.

Убираю телефон на тумбочку, снимаю презерватив, бросаю его на пол и надеваю трусы. Новенькая переворачивается на спину, тянет с пола одеяло, кутается в нем и смотрит на меня своими засыпающими глазами.

— Кто звонил?

— Не знаю.

Сказал я, почесал плечо и не обманул.

На этот раз я опять ответил ей честно, от всего сердца, коротко и без ставшего привычным красноречия. Я на самом деле не знал, кто он, этот вечерний звонитель. Лишь догадывался. Вариантов здесь не много. Это мог быть чей-то ревнивый муж, заподозривший неладное, или чей-то рассерженный отец, или брат-заступник... Может, он заглянул в переписку, обнаружил фотографии или видео, которые я всегда прошу удалить. А, может, девушка сама ему обо всем рассказала, такое тоже бывает.

Точно не могу сказать.

В одном я уверен на все сто — он перезвонит.

Факт.

Можете мне поверить. Он будет звонить и звонить. Названивать, пока не выговорится или пока не подловит меня на улице у ларька, покупающего очередную упаковку экстратонких ребристых презервативов.

Телефон звонит.

С тех пор, как я осознал, что целомудренный образ жизни не то, ради чего я появился на свет, мне стали часто звонить и писать такие вот рассерженные роганосцы, ревнивые горемыки, как я люблю их называть.

Телефон надрывается.

Странно. Я забыл перевести его в беззвучный. Может, это знак? Может, стоит выслушать, погукать, понимающе покивать, расхаживая на балконе, пока курю...

— Ответишь? Вдруг что-то важное.

Может, она и права.

Если разговора не избежать, почему бы не потратить сейчас свои драгоценные шестьдесят минут. К тому же сейчас я, как истинная свинья, до пятницы совершенно свободен.

Надеваю очки, беру телефон и делаю глубокий вдох.

Шестьдесят минут смирения. Ровно столько нужно оператору, чтобы автоматически разъединить связь. Ровно столько обычно достаточно звонящему, чтобы выговориться, наугрожаться вдоволь и больше меня не беспокоить.

— Алло.

Отвечаю, подцепливаю халат, выхожу на балкон и закуриваю.

— Еще раз только повесь трубку!

Молчу.

Пусть я выпил, пусть мне не нравится устаревшая фраза «повесь трубку», но молчу. Я знаю правила этой игры. Нужно слушать, соглашаться и поддакивать. Ни в коем случае нельзя спорить или оправдываться.

— Тварь, ты думаешь, что знаешь, о чем пойдет речь. Ты думаешь, что тебе все сойдет с рук. А?

— Не понимаю, о чем вы.

А вот здесь я должен был ему ответить. Поверьте, так надо. Это еще больше разозлит горемыку. Распалит. Он начнет кричать, забрызгивая слюной окно, у которого он наверняка сейчас сидит.

Все они так сидят. Смотрят через занавеску на тротуар, по которому не так давно после душераздирающего скандала ушла их ненаглядная заплаканная красотка. Скрылась за углом, гордо покачивая бедрами. Они смотрят, разбивают косяшки о стену, трясут коленом возле батареи, громко сопят и набирают мой номер.

— Представьте, пожалуйста, — говорю, рассматриваю рисунки драконов на рукаве халата и продолжаю валять дурака. — Кто вы? Возможно, вы не туда попали.

Моя задача — говорить весело и бодро. Нужно как следует раздражить горемыку. Это на пару минут сократит его гневные речи. Это обязательная часть такой беседы. Это как помахать красным платком перед носом обезумевшей собаки, или слона, или как там обычно говорят... И это, черт побери, весело.

Но важно не перегнуть.

— Урод, ты все еще жив только потому, что я хочу послушать...

Этот горемыка, кажется, плачет.

— Послушать, урод, что ты мне ответишь...

Он запнулся. А я насторожился.

Что-то в его голосе было не так. Наш разговор развивался не так. Уж поверьте, я знаю, как обычно движется подобная беседа.

— Эй, друг, — говорю и начинаю оправдываться, нарушая собственное правило.

— Ты мне не друг, тварь!

Умолкаю.

Слушаю всхлипывания.

Без сомнений, на том конце злится и плачет взрослый мужик.

— Ты! Ты!

— погоди, — пытаюсь немного успокоить горемыку.

Нужно менять тактику. Важно — не перегнуть. Помните? Зачем добивать лежачего?

Меняю интонацию и продолжаю:

— Послушай, друг. Я догадываюсь, что заставило тебя позвонить. Ты расстроен и винишь меня. Но дело в том, что нужно учитывать все обстоятельства. Понимаешь? У нас любовь...

— Заткнись! — он свистит от злости. — Замолчи! Я передумал, не хочу тебя слушать.

Облом. Мой план с «но у нас же любовь» провалился. Иногда срывается, стоило попробовать. Бывает, удается соскочить с ругани через описание неконтролируемых чувств, сослаться на аффект и в итоге докрутить горемыку до фразы: «Ладно, вижу, ты нормальный мужик. Если обидишь ее, я тебя... собственными руками». Но, видимо, этот печальный рогоносец — не романтик.

— Что ж, ладно. Тогда как? Всего доброго, получается? Приятно было познакомиться.

Жаль, конечно, что мой горемыка не созрел. Придется позже выслушивать. Но, что поделать, разная психика у людей. Кто-то молча напивается, кто-то кричит, кто-то плачет. Кому-то нужно чуть больше времени, а кто-то успевает и...

— Посмотри на крышу, тварь.

— М?

— Напротив дом. Посмотри на крышу, урод!

Что он хочет? Такого в моей практике еще не случилось. Он там? Неужели он знает, где я? Как-то выследил или блефует?

— На крышу? Транспарант мне обидный нарисовал? Или хочешь посвятить мне свой рогатый полет на асфальт?

Специально злю его. Пусть лучше бесится, чем плачет, а то мало ли, на самом деле спрыгнет.